История ЛЭТИ – история Ленинграда

В дни празднования 60-летия полного снятия блокады Ленинграда в нашем университете проходит несколько выставок, посвященных этой дате.

Выставка в музее-квартире А.С. Попова рассказывает о том, как переживала блокаду семья ученого. Когда начались бомбежки, жители города дежурили на чердаках, спасая свои жилища от пожаров. В их числе был и младший сын Попова, Александр: в октябре 41-го года ему была даже выдана справка о том, что он участвовал в тушении такого пожара. Он умер в январе 1942 года, в самые тяжелые для жителей города времена. В свидетельстве о смерти стоит диагноз – дистрофия.

Старшая дочь Попова, Раиса Александровна, вместе с дочерью Марией весной 1942 года была эвакуирована по Дороге жизни в Москву. Там они и остались после войны. Вторая дочь изобретателя радио. Екатерина Александровна Попова-Кьяндская, со своим мужем и дочерью Екатериной были эвакуированы весной 1942 года в Ессентуки. В 1943 году, когда к городу подошли немцы, они переехали в Ташкент, где оставались до окончания войны.

Примечательно, что воспоминания о войне и блокаде внучки А.С. Попова Екатерины Георгиевны в разные годы были опубликованы в нашей газете. Это статьи «Вехи памяти» – об А.А. Попове, «Сквозь огонь Отечественной» – о жизни института в годы блокады, «Ангел-хранитель блокадных детей» – о детях сотрудников ЛЭТИ, которые были эвакуированы.

На выставке в музее истории ЛЭТИ можно прочитать воспоминания Б.М. Кудашева, тогда секретаря комсомольской организации, впоследствии долгие годы проработавшего в вузе. Борис Михайлович вспоминает самое тяжелое время блокады – осень и зиму 1941 года. Вуз был средоточием жизни для студентов и сотрудников: шли занятия, выполнялись заказы для фронта.

О работе вуза в годы блокады, о тяготах и лишениях ленинградцев в это время оставил свои воспоминания профессор В.В. Пасынков. В 1943 году, находясь в блокадном городе, он защитил кандидатскую диссертацию, работал в бюро научно-исследовательских работ.

В музее также хранится копия дневника студентки Гуны Каршенек. В 1941–1942 гг. она была дружинницей санотряда и жила в общежитии на Карповке. В своем дневнике девушка рассказывает, как студенты тушили пожары, которые возникали после фашистских обстрелов; как умирали от голода ее друзья; как у одной студентки в очереди украли хлебную карточку и все выделяли по кусочку хлеба, чтобы помочь ей выжить.

Еще один выразительный документ представлен на выставке – письмо с фронта студента А. Прокофьева, которое музею передала Гуна Адамовна. Письмо написано из Стрельны и датировано 27 июля 1941 года. В нем еще нет страшных подробностей войны, оно и заканчивается оптимистически: «Если будет время и желание, приезжайте в Стрельну». Студент Прокофьев погиб на фронте.

В библиотеке, в отделе художественной литературы также организована выставка книг, рассказывающих о том, как жили петербуржцы в то страшное время. По словам работников библиотеки, эти книги пользуются постоянным спросом у читателей, причем читают их и очевидцы тех событий, и молодежь. А воспоминания о блокаде одной из постоянных читательниц библиотеки, Светланы Александровны Тихомировой, преподавателя кафедры русского языка и литературы, вошли в «Блокадную книгу» А. Адамовича и Д.Гранина.

История нашего университета неразрывно связана с историей города и всей страны. Еще раз убеждаешься в этом, побывав на выставке.

Екатерина ШИВРИНА

«Город выстоял, город победил»

Жизнь и вправду вечная битва, но многим пришлось биться в буквальном смысле за свою жизнь и жизнь других людей. 60 лет минуло с тех пор, а для тех, кто сражался за Ленинград, это было как будто вчера. Дмитрий Мефодиевич Черныш уже более 50 лет работает в ЛЭТИ, живет в нашем городе. Но с полным основанием он может считать себя ленинградцем: ведь защищал город от вражеской осады.

– Дмитрий Мефодиевич, как вы попали на Ленинградский фронт?

– 28 августа 41-го года отряд особого назначения, которым я командовал, прикрывал посадку войск при эвакуации из Таллинна. Мы сели последними. Темнота, ничего не видно, а немцы набросали мин, так что пришлось ждать утра. К тому времени наши военные корабли уже ушли полным ходом к Кронштадту, так что мы остались без защиты. Началась жестокая бомбежка. За островом Гогланд нам тоже всадили 4 бомбы в корму. И тех, кто оказался в воде, немцы продолжали расстреливать. Я тогда такое озлобление почувствовал! Лишь когда солнце зашло за горизонт, нас подобрали катера.

После перехода из Таллинна я попал в Балтийский флотский экипаж. Последовало зачисление во вновь сформированный отряд особого назначения.

– Какие задачи ставились перед вашим отрядом?

– Во время осады города немцы сильно бомбили Кронштадт и Ленинград. В ноябре был отдан приказ перебросить нас в Ленинград. Осенью уже начался голод, появились перебежчики. Мы устраивали засады в так называемой мертвой зоне. Шли на задание по 2 человека. За короткий период захватили семерых предателей. И перебежки прекратились, ведь в армии слухи распространяются очень быстро. А моряков на фронте боялись особенно. И не только немцы, называвшие нас «черной смертью». Позже под Колпином перебежки тоже прекратились, когда в частях узнали, что туда прибыл наш отряд.

В феврале-марте обстановка в Ленинграде изменилась, поскольку открыли Дорогу жизни. Но в апреле началась оттепель, поэтому не удавалось перебросить боеприпасы и помощь на Невский пятачок. Было принято решение отвлечь силы немцев и для этого захватить плацдарм в устье реки Тосны. На это задание из нашего отряда послали только добровольцев, взяли около 40 человек. К 20 августа 42-го года были захвачены шоссе и мост через реку Тосну.

Немцы с перепугу убежали довольно далеко, а мы, не рассчитав, рассредоточились так «жидко», что нас можно было легко смять, если бы подошли новые силы противника. Этот плацдарм оставался нашим до самого снятия блокады. Во время того боя я был ранен, но каким-то чудом умудрился проплыть по Неве около пяти километров. И на очень долгое время попал в госпиталь. После меня направили в ленинградский тыл военно-морского флота для того, чтобы обеспечивать воинские части продовольствием и боеприпасами.

Фронт копил силы для решающего наступления, и 15 января 44-го года оно началось: наши войска отогнали противника на 100 километров – до Нарвы.

– Вы помните день снятия блокады?

– В это время я был в Ленинграде. 27 января 44-го года объявили о том, что в 19:30 будет важное сообщение. Тогда город узнал, что блокада с Ленинграда снята. Во время салюта я находился на мосту Лейтенанта Шмидта. Такой подъем духа! Знакомые, незнакомые обнимаются, целуются... В 41-м ни у тех, кто находился в самом городе, ни у тех, кто отстаивал его на фронте, не возникало даже мысли, что мы сдадимся. Поэтому город и выстоял, победил.

Беседовала Ольга РОМАНОВА

«У этой правды есть адреса, номера телефонов, фамилии, имена. Она живет в ленинградских квартирах, часто с множеством дверных звонков – надо только нажать нужную кнопку, возле которой значится фамилия, записанная в нашем блокноте. Ожидавшая или не ждавшая вашего посещения, вашего неожиданного интереса, она взглянет на вас женскими или неженскими, но обязательно немолодыми и обязательно взволнованно-оценивающими глазами («Кто?.. Почему?.. Зачем им это?»). Проведет мимо соседей к себе и скажет тоже почти обязательное: «Сколько лет прошло… Забывается все…»

Многое в этих людях удивительно и неожиданно. Но потом все оказывается таким простым, понятным. таким человеческим и еще более поразительным…

Ленинградец опускает в своих воспоминаниях холод, голод, трупный ужас тех дней и ночей. Все это живет в нем как крик боли до сих пор. но во всем и надо всем – понимание почти каждым (поразительно!), что это были исторические дни и ночи, сознание, что Ленинград – единственный город, который устоял перед самой длительной осадой, что образ этого города помог миру, человечеству остановиться на краю страшной пропасти. Отрезанный, блокированный город был, и это надо понять, силен своим неодиночеством, к нему были устремлены внимание, любовь, вера всей страны. Неслыханные жертвы, немыслимые испытания, о которых рассказывает блокадник, просветлены чувством гордости, поэтическим чувством: зато Ленинград устоял! Мы выстояли! Жизнь продолжается!»

Из «Блокадной книги»
Алеся Адамовича и Даниила Гранина

Евгений Александрович Чернявский:
«Бомбежки и артобстрелы были не в счет…»

Блокада города началась в сентябре 1941 года. В октябре мне исполнилось 15 лет, но жизнь в осажденном Ленинграде заставила быстро повзрослеть. В городе ввели продуктовые карточки, но запасов продовольствия не хватало: часто карточки отоваривать не удавалось. Наступала смерть от голода. И это оказалось страшнее бомбежек и артобстрелов – они были не в счет.

В январе 42-го отец заехал домой с фронта и устроил меня на работу в Научно-исследовательский институт городской и сельской телефонной связи – НИИТС. Там я выполнял слесарные работы, обслуживал ионосферную станцию, занимался регулировкой контактов реле для коммутаторов войсковых телефонных станций.

От нашего дома до здания института было около пяти километров, и я преодолевал их либо пешком, либо на стареньком велосипеде, покрытом ржавчиной. Так что постоянный скрежет сопровождал мои поездки на работу.

В этот период на территории НИИТСа создавался секретный центр радиосвязи с Большой землей. В мои обязанности входило через день ставить на зарядку щелочные аккумуляторы и перетаскивать их ближе к помещению центра. Преодолевать 40 ступенек вверх по лестнице было делом непростым. У меня это занимало около часа. Сил не хватало, а помогать было некому.

В институте я проработал около года, когда здание НИИТСа разбомбили, пришлось искать новое место. И вновь помог отец, устроивший меня на междугородную телефонную станцию. Она находилась рядом с нашим домом, на улице Марата. Так что проблем с транспортом у меня теперь не было. Телефонный узел обслуживал 376-й отдельный батальон связи, в котором я был оформлен по вольному найму. Рабочие карточки обеспечивали 250 граммов хлеба, которые помогали нашей семье продержаться в голодное блокадное время. В МТС я выполнял работы монтажника, намотчика трансформаторов. Принимал участие в монтаже ВЧ передатчиков, которые на МТС изготовлялись по заданию Ленфронта.

Артобстрелы города происходили круглосуточно, и чем ближе к концу блокады, тем интенсивнее. Интервалы между обстрелами были по пять минут, которые фашисты строго выдерживали. А воздушные тревоги в то время объявлялись в городе только при массированных налетах «мессершмитов» и «хейнкелей». Так продолжалось в течение двух лет. Для нас бомбежки стали привычными, так же как надписи на стенах домов: « При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна».

В середине 1943-го в батальоне был объявлен приказ о награждении личного состава медалью «За оборону Ленинграда», в котором была и моя фамилия. Отвозившая документы телефонистка попала под обстрел и погибла. После этого в батальоне только и говорили: «Зачем из-за этих списков нужно было рисковать жизнью». Больше о медалях никто не вспоминал. И лишь спустя много лет из архива было получено извещение, что я награжден медалью за то, что «много и хорошо работал по изготовлению аппаратуры ВЧ по заказу Ленфронта». Это формулировка из наградной характеристики в архивной справке.